

Держимся на любви к искусству...

В этом сезоне Государственная академическая симфоническая капелла отмечает целых три юбилея: 35-летие хора, 50-летие оркестра и 15 лет, как эти два самостоятельных и известных коллектива соединились в уникальное и единственное в мире образование — Госкапеллу. Об истории хора и оркестра и том, чем живет капелла сегодня, рассказывает ее бессменный руководитель Валерий ПОЛЯНСКИЙ.

— С чего начинался ваш хор?

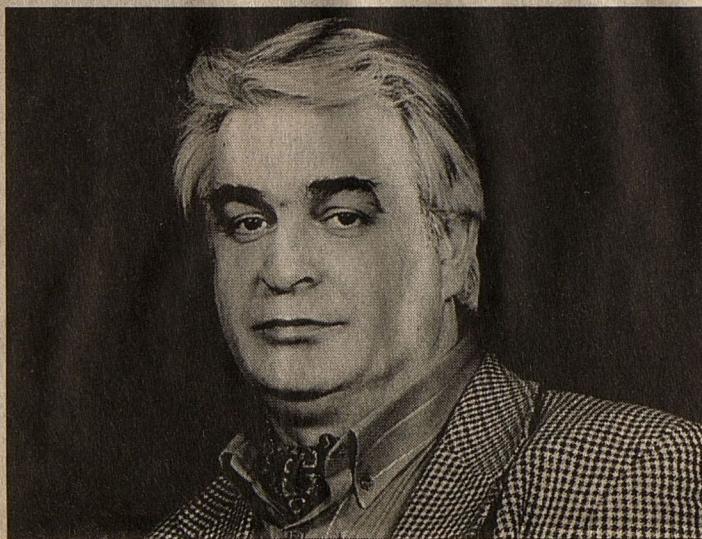
— В Московской консерватории сложилось сообщество единомышленников, состоявшее из дирижеров, хоро-виков, вокалистов, теоретиков, которые пели под моим руководством. Нас называли Камерным хором Московской консерватории, стали приглашать участвовать в научных конференциях в рамках консерватории, посвященных юбилеям Шютца, Бортнянского, мы даже пели знаменитые распевы и хоровые концерты старых русских мастеров, расшифровки которых нам приносил Владимир Васильевич Протопопов. Выступали по линии кафедры камерного ансамбля. Ее заведующий, профессор Зыбцев, привлекал нас в тематические концерты: скажем, посвященные Дебюсси, Равелю, Хиндемиту, Шимановскому, Вилла-Лобосу или Бриттону. С нами выступали студенты-инструменталисты: у меня на первых скрипках сидел, к примеру, легендарный Михаил Копельман. А в хоре участвовал не менее легендарный Михаил Салонов.

— Какой огромный и сложный репертуар вам приходилось осваивать уже с первых шагов?

— Сказывалось влияние моего профессора Бориса Ивановича Куликова, открывшего нам хоровые сочинения композиторов XX века. Отсюда у меня и возник особый интерес к новой музыке. Кроме того, практика показала, что хор может развиваться только на разнообразном репертуаре, постоянно обновляя его. Хотя, конечно, у нас есть произведения, к которым мы постоянно возвращаемся и открываем их для себя снова и снова: "Всенощная" Рахманинова, музыка Чайковского...

— Вы с самого начала обращались и к творчеству советских композиторов, например, много пели Николая Сидельникова.

— Это была, как сейчас говорят, знакомая встреча. В 1975 году мы готовились на Международный конкурс полифонических хоров в Ареццо, где требовалось обязательное сочинение современного российского композитора. Мы обратились к Николаю Сидельникову с просьбой что-нибудь написать для нас. Вначале он сочинил один хор, затем — кантату "Сокровенные разговоры", потом — циклы "Романсеро о любви и смерти" на стихи

В. Полянский

Гарсия Лорки, "Сычуанские элегии" на стихи Ду Фу.

— Конкурс вы тогда выиграли...

— Да, получили Гран-при. Но в статусе любительского хор просуществовал до 1980 года. Тогда, после участия в культурной программе Московской олимпиады — мы спели за месяц 16 концертов, — нам присвоили звание профессионального коллектива: Государственный камерный хор Министерства культуры СССР.

— Чем отличается исполнительский стиль вашего хора от других?

— Сколько хормейстеров — столько и хоров. Все зависит от индивидуальности дирижера, его ощущения звука. Я стремлюсь продолжать традиции синодального пения. Мне повезло, что я общался с такими музыкантами; как Константин Петрович Виноградов, бывший хормейстером у великого Данилина, или многолетний педагог в капелле по вокалу Татьяна Дмитриевна Смирнова: они делились секретами ремесла, рассказывая, как работали "старички". Вообще же меня тревожит состояние хорового искусства в России, мне видится, что сейчас оно переживает кризис. Певцы вынуждены бегать по халтурам, подрабатывать в церквях, где приобретают другие певческие навыки, что вредит делу. В 1917 году была уничтожена вся система культурного обмена певческими силами между Россией и Италией, закрыто Синодальное училище. Россия всегда славилась своими профессиональными хорами, а сейчас они практически не существуют.

— Вы были одним из пропагандистов творчества Шнитке. Как произошло ваше знакомство?

— Все началось с Реквиема. Мне предложили познакомиться с этой партитурой на предмет возможного исполнения. Я согласился не глядя: будучи аспирантом в классе Геннадия Николаевича Рождественского, я, конечно же, знал о Шнитке. Он приходил на репетиции, но особых замечаний не делал. Иногда, послушав свою музыку в реальном звучании, он вно-

сил коррективы в ноты. Был такой случай: мы как-то разговаривали с Альфредом по телефону о музыке Бортнянского, Моцарта, я его уговаривал сочинить что-нибудь для хора. На следующий день мы встретились на концерте на "Декабрьских вечерах" — исполнялась опера Бриттена. Уходя, он протянул мне три листочка и сказал: "Ты ужасный человек. После разговора с тобой проснулся среди ночи и понял, что надо что-то написать для тебя". Это были три духовных хора. А через месяц он начал работу над хоровым концертом на стихи Нарекаци, вдохновившие его на грандиозное сочинение. Очень благодарен Альфреду за посвящение моему хору и мне этой потрясающей музыки.

— Ваш хор участвовал и в российской премьеры кантаты "История доктора Фаустуса" Шнитке, которую власти запрещали, травлили музыкантов и исполнителей.

— Действительно, исполнение кантаты сопровождалось разными "деятельными" историями. Московскую премьеру должен был дирижировать Рождественский. На роль Мефистофеля была приглашена Алла Пугачева. Состоялась первая репетиция. Но концерт запретили. Потом я дирижировал кантатой на "Московской осени". И снова исполнение висело на волоске. Пугачева отказалась петь, но я заранее подстраховался. Вместе с замечательной певицей Райсой Котовой прошел всю партию, она прекрасно выступила тогда в Концертном зале имени Чайковского.

— Последние несколько сезонов хор и оркестр Госкапеллы много играют опер в концертном исполнении. Были такие редкости, как, например, "Богема" Леонкавалло, "Сестра Беатриса" Гречанинова... Откуда у вас такой неуклонный интерес к этому жанру?

— Я с театром связан всю жизнь: семь лет работал в Театре оперетты, очень много получил там с точки зрения сцены, законов театра. Три года — в Большом театре, работал рядом с

Борисом Эммануиловичем Хайкиным, Геннадием Николаевичем Рождественским, Борисом Александровичем Покровским. Это — огромная школа. Но сейчас опера в концертном исполнении мне кажется наиболее оптимальным вариантом существования этого жанра, чем традиционная театральная постановка. Ничто не отвлекает от музыки, и многие слушатели, которые приходят меня поздравить после концерта, с удивлением отмечают, что смысл оперы оказывается понятнее, чем в театре с современной режиссурой.

— Вы как-то сказали, что не видите разницы между хоровым и симфоническим дирижированием.

— В целом — нет, хотя, безусловно, какие-то нюансы существуют в каждой профессии. Хоровая техника, как мне кажется, более тонкая. Когда я дирижирую хором а cappella, то бывают моменты, когда вокалистам требуется с моей стороны особая помощь, к примеру, там, где трудная интонация, неудобные интервалы. Тогда нужен посыл энергии. А в оркестре немного по-другому: в сложных местах помогаешь больше жестом. В работе с оркестром я прежде всего добиваюсь кантилены, пения. Говорю им: "Вы же оркестр капеллы — вот и пойте", а от хора, наоборот, требую мобильности, быстрой реакции, как в оркестре.

— Вы всю жизнь мечтали одновременно руководить и хором, и оркестром. Но когда образовалась Госкапелла, было трудно?

— Вначале капелла была в сложной ситуации: в 1992 году я сменил на посту руководителя Рождественского, нужно было налаживать контакты с импресарио, звукозаписывающими фирмами — ведь "Мелодия" в тот момент как раз прекратила свое существование. Я сделал с хором рекламную запись "Страстной седмицы" Гречанинова, а с оркестром — Пятую симфонию и "Ромео и Джульетту" Чайковского и через импресарио, с которым я работал в Лётеборге, передал материал на английскую звукозаписывающую фирму "Chandos". Вначале там заинтересовались Гречаниновым, а через несколько месяцев внезапно пригласили приехать и подписать эксклюзивный контракт. Записано более 80 дисков. Весь Гречанинов, весь симфонический, хоровой и оперный Рахманинов, сочинения Танеева, такие редкости, как "Пир во время чумы" Кюи, "Ода" Николая Набокова, многие произведения Шнитке — диск с его Восьмой симфонией в 2001 году признан в США лучшей записью года. Положительные отклики вызвали записи опусов Регера, Шимановского. Я считаю, что периодически обновлять фонд звукозаписей необходимо. Наше поколение музыкантов, многие российские оркестры и хоровые коллективы почти не записываются. Если сравнить с тем, как интенсивно работали в этой сфере те же Светланов и Рождественский в 1970–1980-е годы, то становится тревожно: останется ли память о нашем времени?

— Капелла существует в трудных условиях: хор репетирует в одном помещении, оркестр — на другом конце столицы. Правда ли, что, когда строился Дом музыки, вам обещали там выделить репетиционную базу?

— Да, совершенно верно. На закладке ММДМ Юрий Лужков и Валентина Матвиенко прилюдно назвали нас в числе коллективов, которые будут там иметь репетиционную базу. Когда Дом музыки построили, о нас и не вспомнили. А на прием к Юрию Лужкову, при всех моих регалиях — я народный артист России, лауреат Государственной премии, награжден орденами Почета, Ломоносова, — попасть не могу. Хотя он даже состоит в Рахманиновском обществе. На письма к нему мы получаем туманные обещания и так живем без своего помещения. Оркестр репетирует в Культурном центре "Меридиан", а там очень плохо отапливается зал. Был случай, когда мы играли "Ленинградскую" симфонию Шостаковича в условиях, приближенных к блокадным — температура была 10–12 градусов.

— Одно время ваш коллектив занимался реставрацией церкви Троицы в Кожевниках, чтобы сделать там репетиционную базу и концертный зал.

— Это особая история. Церковь была бесхозная — принадлежала то ли городу, то ли керамическому заводу, и по совету одного из поклонников моего хора, архитектора Никиты Шангина, тогда еще очень молодого человека, я добился разрешения на открытие в этом помещении концертного зала. Тогда церковь занимали реставрационные мастерские, которые я просто выжил, из подвала пришлось выкачивать мазут, поскольку до нас там ремонтировали лифты. Мы проводили субботники, реставрационные работы — открыли такие фрески XVII века! Я специально купил два органа, рояль "Стейнвей"... Но в середине 1990-х вышел указ о передаче всех зданий церковью Патриархии, и я был вынужден освободить здание. Дальше вы уже знаете.

Наша капелла уникальна, второго такого коллектива в мире нет, и тем более необходимо внимание государства. Поддержать нас — вопрос государственного престижа. В культуру нужно вкладывать деньги, и это отдается людскими душами, сердцами, любовью к Родине. Не должны превалировать только рыночные отношения. Мы вот ругаем советское время: конечно, тогда были свои проблемы, меня 5 раз снимали со звания за то, что исполнял духовную музыку, 14 лет был невъездным из-за того, что завоевал золотую медаль на конкурсе в Италии. Но тогда я смог создать хор, а сейчас это вряд ли было бы возможным. Спасает то, что у нас очень хорошая творческая атмосфера: мы держимся на любви к искусству.

Беседу вел
Евгения КРИВИЦКАЯ

Полянский Валерий (ноябрь) 30.11.2006